

Насколько в действительности может измениться Россия? Живучесть сетевого авторитаризма

Аналитическая записка № 194
ПОНАРС Евразия
Май 2012 г.

Сэм Грин
Российская экономическая школа, Москва

События последних месяцев, когда сонный сезон выборов превратился в России в период самой жаркой политической борьбы после 1996 г., вновь поставили вопрос: в какой степени в России возможны перемены? Этот вопрос беспокоит даже больше, чем способность (или неспособность) оппозиционно настроенных граждан, активистов и политиков осуществить «смену режима» - в данный момент похоже, что избранный президент Владимир Путин находится в полной безопасности на своем вновь обретенном посту. В этой аналитической записке мы рассмотрим более широкий вопрос: если мы считаем Россию системой, имеющей взаимосвязанные политические и экономические институты (формальные или неформальные), в какой степени эта система способна к изменениям? Учитывая политические, экономические, демографические и другие проблемы, которые стоят перед Россией, имеются ли в стране группы, способные осуществить перемены, и насколько далеко они способны идти?

В этой аналитической записке мы сделаем шаг назад от страстей парламентских выборов ноября 2011 г. и президентских - марта 2012 г., как и от сопутствовавших им протестов, и покажем, что политико-экономическая консолидация России в течение предшествовавших 20 лет породила поведение, ориентированное на ренту и скупку ценных бумаг, которая успешно существует на различных уровнях и поддерживается прочной сетью взаимосвязанных интересов. Этот «сетевой авторитаризм» поддерживает существующий порядок вещей и препятствует значимым реформам, - по нашему мнению, за счет роста неэффективности и социальных трений, что увеличивает вероятность

катастрофических перемен в будущем. Ниже мы исследуем структуру системы, запрос на перемены, базу перемен, а также пределы возможных реформ.

Политическая экономия сетевого авторитаризма

Российская система политического и экономического управления характеризуется, прежде всего, двумя фундаментальными аспектами. Во-первых, в политике доминирует закрытая, но внутренне конкурентная элита, которую возглавляет номинально избранный, но не несущий ответственности перед обществом президент, обладающий большой формальной и неформальной властью¹. Во-вторых, в экономике главенствует рентоориентированное поведение, которое определяется как «деятельность, направленная на получение прибыли от санкционированных государством монопольных прав»². Такое устройство – союз авторитаризма и соискания ренты в качестве основного принципа организации политических и экономических элит – описывается политологом Джоэлем Хеллманом (Joel Hellman) как результат «равновесия частичных реформ», при котором «краткосрочные победители вместо того, чтобы формировать поддержку дальнейших реформ, часто предпочитают заморозить экономику в состоянии *равновесия частичных реформ*, которое обеспечивает им получение концентрированной ренты, при этом налагая высокие издержки на остальную часть общества»³.

Несмотря на то, что многие реформаторы и наблюдатели, возможно, надеялись, что такое положение дел окажется лишь временным, пусть даже затянувшимся, отклонением от пути к более эффективной политической экономике, есть все основания полагать, что эта система внутренне сбалансирована и стабильна. Поскольку лучшим способом конкуренции с успешным соискателем ренты является максимизация своих собственных потоков ренты, само по себе рентоориентированное поведение имеет тенденцию к расширению и укреплению с течением времени⁴. Среди стабилизационных механизмов такие системы часто производят на свет феномен, который Дубровский и др. называют «рентный арбитраж»:

... рентоориентированное общество может нуждаться в авторитарном правителе («арбитраже») в качестве «меньшего зла» — правителе, способном уменьшать чрезмерное потребление или потери ренты. Такой арбитраж, в свою очередь, подавляет или

¹ Hale, H. E. 2006. "Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism" in *Communist and Post-Communist Studies*, 39(3): 305-329.

² Ekelund, R. B. J. and R. D. Tollison. 1981. *Mercantilism as a rent-seeking society*. College Station, TX: Texas A&M University Press.

³ Hellman, J. S. 1998. "Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions" in *World Politics*, 50(2): 203-234.

⁴ Murphy, K. M., A. Shleifer, et al. 1993. "Why Is Rent-Seeking So Costly to Growth?" in *American Economic Review*, 83(2): 409-414.

вытесняет социальный капитал, демократические институты и другие альтернативные общественные и политические механизмы, которые могли бы заменить его в этой роли.⁵

В попытке исследовать динамику рентоориентированной конкуренции автор данной аналитической записки собрал и проанализировал в своей работе 2010 г. сетевую базу, состоящую из 838 ключевых игроков российской экономики и 242 организаций (включая корпорации, организации и государственные органы).⁶ Данный анализ выявил текущую сеть экономических акторов, которые конкурируют за доступ к трем различным категориям активов, позволяющих получать ренту:

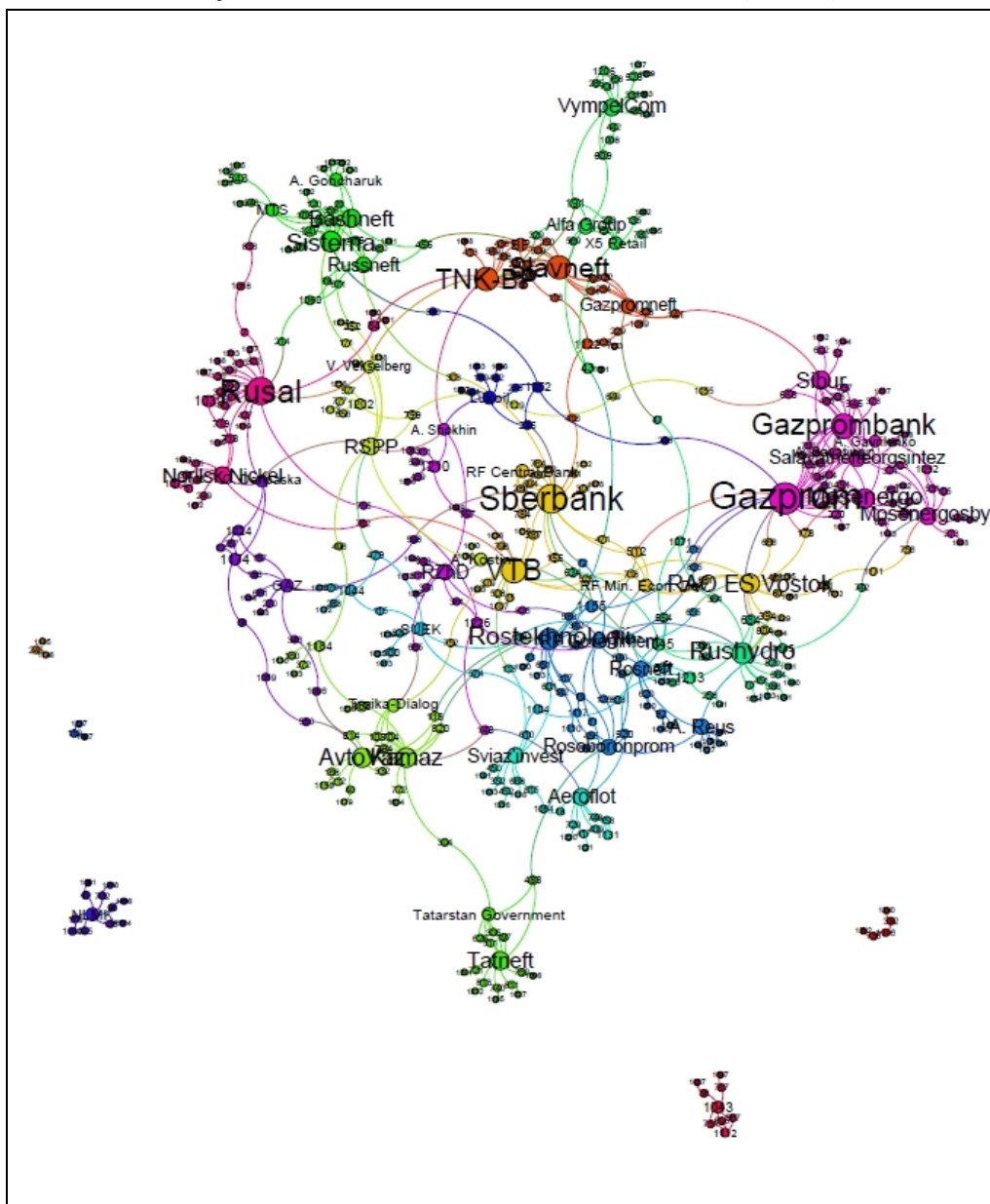
- (1) *Свободно распределяемые ресурсы*, в первую очередь в реальном секторе экономики и недобывающих отраслях, доступные любому, у кого имеется достаточный финансовый капитал, чтобы преодолеть значительные барьеры на входе, и достаточный политический капитал, чтобы преодолеть серьезные препятствия и удержаться в бизнесе;
- (2) *Полураспределяемые ресурсы*, в первую очередь в нефтяной, металлургической, добывающей промышленности и финансовом секторе, доступ к которым имеется только у тех, кто обладает значительным политическим капиталом, и где значительный контроль принадлежит государству; а также
- (3) *Нераспределяемые ресурсы*, в первую очередь в газовой отрасли и стратегически важной инфраструктуре, доступ к которым имеет только государство и его прямые представители.

Экономические (а часто и политические) игроки задействованы в особом разделении труда – они по очереди захватывают, накапливают, делят между собой, защищают, возвращают или перераспределяют источники ренты.

⁵ Dubrovskiy, V., J. Szyrmer, et al. 2007. *The Reform Driving Forces in a Rent-Seeking Society: Lessons from the Ukrainian Transition*. Kiev: CASE Ukraine.

⁶ Greene, S. A. 2010. "The Political Economy of Cash Flow: Domestic Politics, Foreign Policy and the Russian Elite". Представлено на Годовом собрании Американской ассоциации политических наук. Более подробную информацию об исследовании и его методологии можно получить, прочитав саму работу и/или обратившись к автору.

Рисунок 1: Экономическая элита России (2010 г.)

Несмотря на текучий и конъюнктурный характер коалиций, формируемых российскими экономическими и политическими игроками высокого уровня ради извлечения ренты или лоббирования политических интересов, сеть, которую мы имеем в результате (см. рисунок 1), в высшей степени переплетена и характеризуется двумя ключевыми атрибутами. Во-первых, практически все значимые игроки так или иначе связаны с остальными. И во-вторых, хотя подгруппы можно четко идентифицировать и, более того, алгоритмы автоматического группирования легко воспроизводят существующие корпоративные структуры, связи внутри подгрупп не намного прочнее, чем связи между ними. Вырисовывающаяся в результате картина «сетового авторитаризма»,

по моему мнению, иллюстрирует самоукрепляющуюся живучесть описанной выше российской политической экономики, ориентированной на поиск ренты: все игроки жизненно зависят от того, будет ли существовать система (даже в большей степени, чем от своего собственного положения в системе, которое может меняться), а великое множество связей и каналов означает, что отдельные отклонения не могут угрожать целостности всей сети.

Пороги, переломные моменты и каскады: сети в кризисе

Едва ли стоит перечислять здесь вызовы, перед которыми Россия оказалась сейчас, когда президент Путин заступает на новый шестилетний срок. В экономике правительству необходимо вплотную взяться за решение проблемы растущей неэффективности, которая привела к дефициту бюджета, несмотря на высокие цены на нефть, и угрожает подорвать выполнение популистских обещаний, данных Путиным во время предвыборной кампании. С точки зрения демографии, перспектива потери 10 млн. работников в течение следующих 15 лет увеличивает цену как неэффективности, так и популизма. И наконец, с точки зрения политики, если правительству удастся добиться какого-либо успеха в «модернизации» страны, ему потребуются поддержка и участие молодых дальновидных и экономически мобильных россиян, подавляющее большинство которых в последние месяцы пришло к осознанию того, что власть демократически нелегитимна и идейно несостоятельна. В настоящий момент непохоже, чтобы новое правительство готовилось согласованно решать хоть какую-нибудь из этих проблем.⁷

Следует отметить, что причиной трений во всех трех областях взаимоотношений между государством и обществом является фундаментальная неэффективность политической экономики, организованной вокруг соискания ренты: она обирает бюджет (и, соответственно, налогоплательщиков), поднимает предельные цены, подавляет предпринимательство, лишает стимула к капиталовложениям и т.д. Поэтому возникает вопрос: в какой момент совокупность этих проблем приведет к появлению групп, способных осуществить фундаментальные перемены? Или, если взглянуть на этот вопрос под другим углом: насколько широка программа реформ тех групп, которые уже появились?

Возможно ли растворение сети, представленной на рисунке 1? В конце концов, картина середины 1990-х гг. выглядела бы совершенно иначе, потому что элиты яростно боролись за контроль над самой системой. С приходом к власти Путина сочетание сильного арбитра и растущих потоков ренты от нефти, газа и других товаров позволило создать внутри системы инклюзивную сеть, которая обслуживает интересы элиты в целом. Поэтому мы вполне можем предположить, что такая организация может рассыпаться на части.

⁷ Петров Н. Кривые выборы губернаторов или политические контрреформы Медведева. – Slon.ru, 11 апреля 2012 г.
http://slon.ru/russia/krivye_vybory_gubernatorov_ili_politicheskie_kontreformy_medvedeva-775796.xhtml.

Сетевая теория, уделяя значительное время изучению того, каким образом социальные и элитные сети формируются, растут, крепнут и моделируют поведение своих членов, очень мало говорят о том, как и почему сети распадаются. Согласно немногочисленным практическим исследованиям элитных сетей, распад часто происходит по одному из двух важных и переплетенных между собой сценариев. Во-первых, сеть начинает распадаться на «плотно сращенные клики и фракции», которые вырабатывают свои собственные системы предпочтений и накапливают информацию об этих предпочтениях.⁸ Во-вторых, номинальный или реальный лидер сети, столкнувшись с появлением этих кликов, начинает рецентрализовать власть. В результате происходит дробление как горизонтальных, так и вертикальных связей внутри сети, а также нарушение коммуникаций, что ведет к появлению порочного круга необдуманных действий и реакций по всей сети вплоть до полного нарушения ее нормального функционирования. Такая динамика была наиболее убедительно показана на примере краха американского энергетического гиганта, корпорации «Энрон» (Enron Corp.).⁹ Однако у нас мало доказательств того, что нечто подобное происходит сейчас России (из-за непрозрачности системы нам сложно понять, имели ли место подобные феномены в России раньше). Несомненно, возврат к губернаторским выборам, даже в усеченном виде, предполагает децентрализацию власти.

Второй подход к рассмотрению изменений внутри сетей основан на концепции «порогов» или «переломных моментов», согласно которой инновации могут быстро распространяться по сети только после достижения критического числа сторонников.¹⁰ Действительно, политическую или экономическую реформу можно рассматривать как «инновацию», предпочтение которой могло бы, в теории, распространяться по сетям российских элит вплоть до достижения переломного момента, после чего она имела бы шанс быстро стать доминирующей. Поскольку предпочтения широкомасштабных реформ, скорее всего, будут ложными вплоть до достижения переломного момента, степень вероятности такого варианта развития событий также сложно оценить. Но следует отметить, что многие уважаемые московские политологи еще до последних выборов полагали, что большая часть политической и экономической элиты давно склонилась к необходимости коренных преобразований – и, тем не менее, пока не приступила ни к одному из них.¹¹

⁸ Tutzauer, F. 1985. "Toward a theory of disintegration in communication networks" in *Social Networks*, 7(3): 263-285.

⁹ Davis, J., L. Hossain and S. H. Murshed. 2007. "Social Network Analysis and Organizational Disintegration: The Case of Enron Corporation". Представлено на Международной конференции по изучению информационных сетей.

¹⁰ Valente, T. W. 1996. "Social network thresholds in the diffusion of innovations" in *Social Networks*, 18(1): 69-89.

¹¹ Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. - Москва: Центр стратегических разработок, 2011.

Размышляя над историей политических революций и уделяя особое внимание тому факту, что большинство таких революций произошли неожиданно, Тимур Куран (Timur Kuran) указывает на тот же самый информационный дисбаланс. Он описывает периоды коренных политических преобразований (если выразиться более прямо, краха режима) как каскады информации, в которых все или, по крайней мере, большинство политических игроков фальсифицируют свои предпочтения вплоть до достижения критического порога, который может быть перейден как в процессе падения авторитета режима, так и в росте числа открытых диссидентов, либо и в том и другом вместе взятом, после чего акторы массово дезертируют, и система рушится.¹² С этой точки зрения невозможно узнать, идет ли Россия к революции, до тех пор, пока, что называется, не будет слишком поздно.

Раскорячка и логика самоограничения при сетевом авторитаризме

Когда тогда только избранный президент США Барак Обама сказал накануне своего первого визита в Россию, что Россия одной ногой стоит в (демократическом) будущем, а другой – в (авторитарном) прошлом, Путин отреагировал знаменитым замечанием о том, что россияне не умеют стоять *враскорячку* – они твердо стоят на ногах (правда, он не уточнил, в каком именно месте). Члены российской элиты, тем не менее, стоят *враскорячку* постоянно, одновременно удерживая свои приносящие ренту активы и лавируя в коварных водах политики, дабы остаться на плаву.

Несмотря на неэффективность такой позиции, те, кто за последние два десятилетия научились существованию в этой системе, сегодня в ней процветают. В результате, несмотря на наличие большой (или даже доминирующей) пассивной группы, поддерживающей радикальные изменения, переход к активной поддержке реформ возможен только в случае выполнения двух условий: во-первых, потенциальные выгоды реформированной системы (и вероятность их получения) должны быть значительно выше тех выгод, которые обеспечивает имеющаяся система; и во-вторых, должна быть известная доля уверенности в том, что процесс изменений будет возможно контролировать и что он не сметет всю элиту целиком. Загвоздка как раз в этом втором требовании. Если мы предположим, как делает это Куран, что российские политические и экономические элиты скрывают свои реформистские предпочтения, и что делают они это потому, что режим все еще заслуживает доверия, мы также должны предположить, что они осознают возможность каскадного обрушения режима, если слишком большое их число бросит вызов системе.

Взгляд на российскую политико-экономическую элиту как на сеть обнаруживает во многом недифференцированную массу стремящихся к получению ренты игроков, которых свела вместе система, обогащающая и

¹² Kuran, T. 1989. "Sparks and Prairie Fires: A Theory of Unanticipated Political Revolution" in *Public Choice*, 61(1): 41-74.

наделяющая властью их всех, и которые лишатся этой франшизы в случае краха системы. Но если подобный анализ не выявляет сильные группы, способные на радикальные изменения, может быть, есть какие-то круги, готовые к постепенным или незначительным переменам? В большой степени страх каскадного краха отбивает охоту элит предпринимать даже скромные реформы, особенно в области политики. Конечно, постоянное лоббирование отраслевых или региональных привилегий, которое мы наблюдаем в последние два десятилетия, продолжится, но ему далеко до запроса на системную реформу.

Есть, однако, еще две группы, способные на постепенные изменения, которые скрыты среди внутренних связей сети. Первая группа – это высокопоставленные чиновники, недавно лишившиеся своих постов в советах корпораций, а поэтому и своего формализованного внутреннего доступа. Вдобавок к потенциальному увеличению независимости бизнеса от государства и снижению коррупции (заявленные цели реформы), этот факт может иметь непредусмотренный положительный эффект, заключающийся в создании внутри государственной власти группы, ратующей за большую прозрачность бизнеса, которой можно добиться как путем реформирования финансового рынка, так и через большую институционализацию прав собственности.

Вторая группа представлена, как ни странно, самим арбитром – Владимиром Путиным. Он имеет четкие стимулы, чтобы удалить из сети наименее эффективных (с его точки зрения) игроков и предпринять осторожные реформы, направленные на усиление общей эффективности и ликвидности, поскольку рост неэффективности создает все больше трений не только между элитой и обществом, но и внутри самой элиты, увеличивая требования к услугам арбитра, подрывая ликвидность системы и приближая возможность возврата к бескомпромиссной борьбе среди элит, а в такой борьбе арбитр не нужен.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в Институте исследований Европы, России и Евразии (IERES) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org